

**«Неблагонадежные» лица на территории белорусских губерний в 1812 г. (по документам
Особенной канцелярии министра полиции)**

Проблема «неблагонадежных», или, говоря на современный лад, политических заключенных, в 1812г. — одна из малоисследованных в современной белорусской историографии. Одним из основных источников по ней являются документы Особенной канцелярии министра полицииⁱ. Ранее они выпадали из поля зрения ученых, так как противоречили официально принятой точке зрения российской, а затем и советской историографии о «единении всех народов в борьбе против французских завоевателей».

В документах Особенной канцелярии содержатся сведения о лицах, подозреваемых в неблагонадежности к Российской империи, а также о случаях перехода жителей на сторону французской армии и наполеоновской администрации. По ним можно судить не только о настроениях жителей в предвоенное время, но и о политике, проводимой русским правительством в отношении населения белорусских губерний как до, так и после войныⁱⁱ.

Готовясь к войне с Наполеоном, российский император 21 марта издает указ министру полиции: «Об особенном наблюдении в отношении образа мыслей помещиков и других обывателей пограничных губерний, не весьма давно к России присоединенных»ⁱⁱⁱ. Губернаторам было приказано составить списки «сомнительных и совершенно подозрительных людей»^{iv}.

Губернаторы в ответах императору утверждали, что находятся в курсе всех дел в своих губерниях и поэтому знали бы о таких людях и приняли меры и безданного указа. Однако, чтобы оградить себя от возможных последствий, отмечали, что «узнать таковых очень сложно, и что отношение жителей может измениться». Вот что писал гродненский губернатор Александру I в своем донесении: «Указать кого-либо я не могу, но если неприятель вступит в пределы губернии, все может поменяться»^v. Об этом предупреждал Александра и Адам Чарторыжский, говоря, что «поляки пойдут за самим чертом, если черт поведет их к восстанию их отчизны»^{vi}. Об этом можно судить и по донесениям русских тайных агентов. К примеру, генерал-лейтенант Эссен поносил 2 февраля 1812г. из Слонима: «...можно полагать, что все оказанные здешнему краю Его Императорским Величеством милости забыты будут, коль скоро иным государем обещано им будет восстановление Польши»^{vii}.

На основе списков всех неблагонадежных предполагалось высылать. Это делалось для того, чтобы французы, если боевые действия будут проходить на территории западных губерний, получили как можно меньше информации о состоянии дел в них. С этой же целью должны были быть высланы и чиновники. Данные мероприятия не все в русском командовании находили правильными и оправданными. Вот что писал князь Багратион в своей записке Александру I: «Чиновники, обязанные службою вашего императорского величества, могущие неприятелю дать понятие о земле и способах к продовольствию оной, будут увезены с отступлением войск ...но, каждый помещик, каждый экононом знает способы своего имения, состояние крестьян, способы соседей, и многие из них состояние всего повета...»^{viii} Однако из-за быстрого отступления русских войск, удалось выслать лишь незначительную часть подозреваемых лиц и чиновников, попавших в списки.

Наибольшее число упоминающихся в документах лиц — это чиновники и помещики, поветовые маршалы и шляхтичи, ксендзы и заседатели судов. Причины высылки их во внутренние губернии можно объединить в три основные группы: 1) «преданность к французскому правительству и неблагонадежность к России»; 2) «за малое рвение в исполнении своих обязанностей»; 3) во вспомоществовании неприятелям в получении продовольствия».

Большинство лиц, высланных до начала военных действий и в первые месяцы войны, были высланы командующим 2-м резервным корпусом генералом-интендантом Эртслем, штаб которого находился в Мозыре^{ix}.

Шляхтичи, проживавшие в Гродненской губернии, «навлек шие на себя некоторое сомнение и подозреваемые в неблагона дежности», всего 15 человек, были высланы по приказанию гене рала Тормасова. Некоторых выслали из-за частых поездок в герцогство Варшавское или из-за частых переписок с лицами, находящимися там, а также за «отлучку за границу и определе ние там на службу»^x.

Некоторые заключенные, шляхтичи и поветовые дворники Минской губернии находились о Бобруйской крепости, где ожи дали приговора, но с приближением французских войск были вывезены во внутренние районы России^{xi}. Как и предписывалось указом, выслались прежде всего лица, владевшие какой-либо информацией о состоянии дел в поветах и губернии.

С приходом русских войск, а затем и гражданской админис трации сразу же начинаются расследования по делам о лицах, которые служили во французской администрации или помогали ей. Все происходило часто поспешно, без какого-либо разбира тельства, иногда по доносу. Лица, осужденные в данный пери од, выступали против российских войск, перехватывали обозы и курьеров (шляхтичи Пинского повета), производили поставку фуража и продовольствия неприятелю, показывали французам пороги. Некоторые, например велижский заседатель Жизневский, «отвращали по велижскому уезду крестьян от должного пови новения». За что, согласно положению Комитета министров от 9 ноября 1812 г., все они были преданы осуждению уголовной палатой^{xii}.

Витебские жители граф Борг, секретарь Щит, полицмейстер Красовский и ксендз Полонский «за службу в польской админи страции» по высочайшему повелению были отправлены в Олонец 15 ноября 1812г.^{xiii}.

До объявления всеобщей амнистии эти, и другие подозревае мые, выслались во внутренние российские губернии. Наиболее часто упоминаются Олонецкая, Орловская, Киевская, Чернигов ская, Тамбовская и другие губернии.

После того как 12 декабря 1812г. была объявлена амнистия жителям западных губерний - участникам войны против Рос сии, в отделение полиции стали приходить просьбы об освобож дении заключенных. Большинство прошений исходят от самих осужденных, либо от их родственников. В них они доказывают свою невиновность^{xiv}. Многие утверждают, что их взяли по до носу, что они оговорены другими жителями^{xv}.

Все перечисленные нами лица попадали под амнистию, объяв ленную Александром I 30 августа 1814 г. Однако многие просто не дожили до амнистии, умерев в острогах, так как содержались вместе с уголовными преступниками, в крайне тяжелых условиях. В документах особенной канцелярии есть только одно упомина ние об освобождении заключенных, это приказ «освободить 30 ноября 3 евреев, подозреваемых и измене, и выдать им по 300 рублей»^{xvi}.

Таким образом, несмотря на проводимую русским правитель ством политику по высылке «неблагонадежных» в довоенное вре мя, документы Особой канцелярии МВД свидетельствуют о пе реходе части жителей белорусских земель, в основном шляхетс кого и мещанского сословий, на сторону Наполеона. С ним они связывали надежды на восстановление независимости Речи Посполитой. К сожалению, надежды их не оправдались. Несмотря на всеобщую амнистию, многие из них после окончания войны были судимы и высланы во внутренние губернии, где, так и не дождавшись амнистии, умерли.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ ГАРФ. Ф. 1165. Особая канцелярия МВД.

ⁱⁱ Генерал Багратион: Сб. документов и материалов. М., 1945.

ⁱⁱⁱ Наполеон в России в 1812 году. СПб., 1911. С. 58.

^{iv} Там же. С. 58.

^v ГАРФ. Ф. 1165. Оп 1. Д. 149. Л. 14.

^{vi} Русская старина. 1902. № 7-9. С. 243.

^{vii} Материалы ВУА: Отечественная война 1812 года. СПб.. 1908. Т. 9. С. 4.

^{viii} Там же. СПб., 1909. Т. 12 .С. 78.

^{ix} ГАРФ. Ф. 1165 Оп. 1. Д. 13. Ч. I. Л. 25; Ч. 2. Л. 120; Д. 154. Л. 25.

^x Там же. Д. 154. Л. 57.

^{xi} Там же. Д. 13. Ч. 1. Л. 25.

^{xii} Там же. Ч. 2 Л. 120; Д. 154. Л. 25.

^{xiii} Там же. Д. 13.4. 1. Л. 11.

^{xiv} Там же. Д. 154. Л. 1,8, 11.

^{xv} Там же. Л. 1.

^{xvi} Там же. Л. 53.